

РУДОЛЬФ АЙТЦЕТМЮЛЛЕР

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ИМЕННЫХ ФОРМ
В ИГОРЕВОЙ ПЕСНИ.
К 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ЛАСЛО ГАДРОВИЧА¹

В статье исследуются возможности использования лингвистических средств датировки «Слова о полку Игореве». Опираясь на анализ употребления именных форм в «Слове», автор указывает на обилие их несоответствий состоянию древнерусского языка XII в., что, по мнению исследователя, позволяет усомниться в правомочности отнесения памятника к этой эпохе.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», именные формы, древнерусский язык XII в., историческая лингвистика

Кто берется писать что-либо об Игоровой песне, сталкивается с опасностью, что пропустил или не принял во внимание уже давно сказанное. Причиной этого является огромная литература, которая для большинства стала необозримой. Но, несмотря на эту опасность, необходимо донести до читателей предлагаемые здесь размышления.

Вопрос, оригинальное ли это произведение или подделка, относится ли оно к XII или XVIII веку, может быть решен только на основе языка этого произведения, поскольку между предполагаемым временем появления в XII в. и первоизданием в 1800 г. пролегает период в целых шесть столетий, в течение которых русский язык прошел известный путь развития, который мы можем проследить по другим текстам. Игорева песнь отличается тем, что в одном небольшом произведении встречается неестественно большое число ошибок, при этом и таких, которые являются противоестественными, т. е. искусственно созданными, как *добръ Кисаню* (23, 16)². Если исходить из возникновения текста в XII в., необходимо задать вопрос, могут ли все эти ошибки распределены по времени от XII до XVIII века. При этом нельзя оставить без внимания, что пестрая палитра этих ошибок — они простираются от цоканья на севере до не меньшего количества украинизмов и полонизмов на юге, и это если еще не говорить о тюркизмах — они предполагают представленную широким веером многообразную традицию заимствования, которой

¹ *Aitzetmüller R.* Zum Nominalgebrauch im Igorlied. Lászlo Hadrovics zum 80. Geburtstag // *Anzeiger für slavische Philologie*, XXI. 1992. SS. 109—117. *Перевод д. ф. н. Д. Г. Демидова.*

² Цитаты даются по изданию Р. Нахтигала [Nahtigal; 1954]

не было. С другой стороны, это может быть расценено как надежное суждение о предполагаемом авторе XVIII века, заключающееся в том, что он не мог обладать теми языковедческими знаниями, которыми располагаем сегодня мы. Он должен был исходить из своего знания древнерусской литературы и языка, чтобы, опираясь на современное ему речевое употребление, составить текст по старинному образцу. То, что при этом должны появляться ошибки, которые он в ту эпоху еще не мог распознать, почти неизбежно. Период какого из двух веков, XII или XVIII, окажется действительным, должно показать языковедческое исследование¹.

Открытием XX века явилось то обстоятельство, что язык все более выдвигается на первый план как фактор окончательного решения². О стиле и синтаксисе есть неопровержимые исследования К. Троста [Trost, 1974; 1980; 1981; 1982]. Об употреблении глаголов существует великолепная работа Максимилиана Хендлера [Hendler, 1977]. Основательного исследования или свода, как кажется, нет еще только об именах. Хендлер об этом пишет: «Комплекс имен прочно связан с вещами, которые он обозначает. Поэтому обследование этого словарного запаса должно вылиться в обследование описываемого предметного содержания. Работы, которые были предприняты до сих пор в этом направлении, имеют некоторый вес, но пока еще недостаточны, чтобы доказать или опровергнуть определенную датировку» [Ibid.; S. 104]. Хендлер, который пожелал исследовать употребления глаголов, вследствие своего решения исключил употребления имен. Как бы то ни было, я должен возразить на обобщающее утверждение, что из употребления имен невозможно почерпнуть никаких сведений о датировке памятника. Нижеследующие наблюдения ни в коем случае не должны стать всеокупающим исследованием и представлением этой части словарного состава. Это даже и не необходимо; достаточно показать только те случаи, которые можно привлечь в качестве вполне надежного свидетельства возникновения и датировки.

Начать бы я хотел с такого именного окончания, которое представляет собой так называемый носовой, или третий ять, то есть окончание -ѣ (в противоположность дрб. -а) в Р. п. ед. ч. и Им. п. мн. ч. ја- основ и в В. п. мн. ч. ја- и јо- основ (дрб. *земла* : дрр. *земль*, ср. *кона* : *конѣ*). В тексте Игровой песни ја- и јо- основы естественным образом занимают большую часть имен, и поэтому доля названных окончаний относительно высока, в совокупности их 91. Но их реализация показывает удивительную картину. Ожидаемое -ѣ встречается только 3 раза, в то время как цсл. -ја — 46 раз и, в этом грамматическом значении, 42 раза, напр., Р. п. ед. ч. *усобиць*, *Половецкая рѣкы*, *Рускыи земли*. В тексте встречаются также некоторые, конечно

¹ Обобщающий и в предметном отношении великолепный свод споров об Игровой песни представляет Димитр Статков [Statkov, 1990, S. 199-221]. Ак. А. А. Зализняк из двух вероятных объяснений — 1) совпадение с формами языка XII в. и слабое знание древнерусской литературы и языка в XVIII в., 2) наличие ошибок, о которых автор XVIII в. не мог знать, — выбирает первое. По существу, вторая часть первого объяснения и второе объяснение совпадают. Но те же факты, которые считаются Айтцетмюллером ошибками автора XVIII века, объясняются А. А. Зализняком, вслед за многими другими предшественниками, как изменения переписчиков более раннего времени. См. [Зализняк, 2008] (*Прим. переводчика*).

² Свод литературы см. [Statkov; op. cit.]

же, разговорные случаи цоканья — северновеликорусского явления, той же области, в которой -ѣ и -и совпали. Опираясь на это, можно было бы сказать, что сомнительное —и этих окончаний могло произойти из этой области. Но этому противоречит то, что такое -и встречается только в окончаниях, но не в середине слова, где можно было бы ожидать -ѣ. И напротив, -ѣ замещает исконное -и, но, опять же, не в середине слова, но только в окончаниях, и именно в таких, в которых новейшее русское -ѣ (сейчас -е) стоит вместо древнерусского -и, напр., в Местном п. *моръ, полъ, гридницъ*¹. При этом также очень необходимым и исчерпывающим оказывается «Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»» В. Л. Виноградовой [Виноградова, 1965–1984]. О других новейших русских окончаниях см. ниже.

Перед тем как сделать попытку объяснения этого -и, еще несколько замечаний. Так, подобное -и появляется также и помимо названных окончаний, а именно, на месте старого -ы, но, опять же, только в окончаниях. Несколько примеров: *знами* вм. *знаемы* (8, 7), *сабли изострени* вм. *саблѣ изострены* (8, 9), *верезени* вм. *верезены* (34, 18), *труби* вм. *трубы* (34, 13), *красни* вм. *красны* (44, 4), *ради* вм. *рады* (46, 1), *они сами* вм. *оны самы* (4, 8), *чеи* вм. *чеы* (36, 3), *хльми* вм. *хльмы* (17, 17), *роспуцени* вм. *роспуцены* (9, 13), *тули* вм. *тулы* (38, 19). Встречаются такие же номинативы, как *свѣты, щиты, шеломи* с -ы вм. -и. Особо следует сказать о случае В. мн. *стязи*, поскольку здесь в аккумулятиве передается даже палатализация номинатива.

Причина этого смешения -ы с -и ясна. Это проявление возникшего в XIII в. структурного изменения в формах мн. числа имен. Старые окончания Им. п. заменяются на окончания В. п., этим достигается единообразие ж. и ср. родов, а также ед. ч. м. р.: Им.-В. пп. ед. ч. *столь*, Им.-В. пп. мн. ч. *столы*, как Им.-В. пп. мн. ч. *жены* или *озера*. Вновь возникшее окончание мн. ч. могло встречаться на месте старого окончания, к чему мы сейчас и перейдем.

Но сначала приведем еще некоторые случаи смешения падежных окончаний: Р. п. ед. ч. *славъ* (8, 12; 35, 1), В. п. мн. ч. *озеры* (21, 18), Д. п. ед. ч. *Всеволодъ* (46, 5), Д. п. ед. ч. *Всеволодъ* (46, 5), Д. п. ед. ч. *Святославича*, Им. п. мн. ч. *забралы* (22, 16), Д. п. ед. ч. *головы* (44, 12)². Случаи такого или подобного вида, и не столь редко, встречаются в Ипатьевской летописи, связь которой с Игоревой песнью очевидна.

Новое окончание мн. ч. возникло у существительных м. рода в XIII в. В то же время дв. ч. уже переставало быть живой категорией. Окончания дв. ч., не исчезнувшие вместе с этим, переняли функции мн. числа, поскольку два больше, чем один. Ж. р. дв. ч. *двѣ* могло лучше или хуже выполнять функции мн. ч., поскольку существовало окончание ж. р. мн. ч. -ѣ, в частности, основах на *-ја. Словоформа ср. дв. *сель* должна была сдать свои позиции, так как окончания -ѣ в Им. п. мн. ч. ср. р. не было; оно заменилось обычным мн. *села*. Старое ср. *двѣ* стало теперь *два*, ср. пример уже 1270 г. *два села*. Схожие случаи находим и в трех примерах Игоревой песни: *два солнца* (вм. *двѣ солнца*, 25, 2), *ваю храбрая сердца* (вм. *храбрѣи сердца*, 25, 14); в 21, 6 встречаем даже *тии* (вм. *та*) *до* (вм. *бо*) *два храбрая Святославича*.

¹ Эти и другие примеры взяты из индекса словоформ в издании Нахтигала [Nahtigal; 1954] (*Прим. переводчика*).

² Здесь необходимо отметить, что все эти смешения можно найти и в Ипатьевской летописи, но ее древнейший список относится не к XII, а к XV в.

Ставшее показателем мн. ч. окончание -а распространялось сначала в области количественных числительных: *два часа, три(е) часа, четыре часа* (так же, между прочим, и в сербохорватском), но затем постепенно расширило свое действие на область имени существительного: *берега, рога, города, доктора*. . . [Aitzetmüller; 1990]. Из этой линии развития необходимо изъять только один пример — наименование народа *Хинова*, чья этническая принадлежность не установлена. Имя как таковое восходит, конечно же, к имени гуннов, которое могло быть позже перенесено на другие народы (венгров, половцев?). Несмотря на это, *хинова* важно для Игоровой песни, так как это имя содержится также в Задонщине XV—XVI вв. Б. Унбегаун в своем обширном описании русского языка XVI в. показал, что окончание -ова возникло не из старейшего окончания -ове до XV в., а представляет собой замену старого -е новейшим -а [Unbegaun; 1935; P. 271]. При этом установлено, что *хинова* Игоровой песни не могли быть написаны ранее, а взяты скорее из Задонщины [Kiparsky; 1967].

Между прочим, это -ова — не единственное свидетельство более позднего времени происхождения «Слова», существует целый ряд таких свидетельств. Уже упомянуты формы М. п. *моръ* (25, 11; 38, 16; 19, 10), *полъ* (8, 11; 11, 11; 17, 18; 39, 17; 44, 6; 29, 11), *грудницъ* (22, 6), далее, *Путивль* (7, 10; 38, 7; 39, 11), *Тматороканъ* (15, 6)¹. Совершенно новое русское — В. п. мн. ч. *князей* (37, 10). Новыми русскими являются формы Р. п. ед. ч. : *земли* (17, 19; 35, 6; 39, 24); особенно часто встречаются эти формы в прилагательных: в 18, 14 находим Р. п. ед. ч. *быстрой Каялы*, Д. п. ед. ч. *Руской земли* (44, 17; 18, 3; 20, 6; 20, 18; 25, 9; 37, 8; 41, 17; 44, 15); М. п. ед. ч. *въ Руской земли* 44, 17; М. п. ед. ч. *въ полъ Половецкомъ* 44, 6; параллель к *быстрой Каялы* 34, 19, *высочисте изъ дъдней славъ*. Проникновение местоименного -о- в определенную форму прилагательного (для Р. п. ед. ч. *быстрой* ожидалось бы *быстрыъ*) началось не ранее XIII в. [Дурново; 1924; с. 264]. Но и тогда еще ожидалось бы такие Р. п., как *быстроъ, Рускоъ*. Форма *быстрой* соответствует сегодняшнему Р. п. местоимения *той*, которое распространилось начиная с XIV в. [Unbegaun; P. 375]. По Кипарскому, «*той*, вероятно, возникло из *тоъ*, как Тв. *той* из *тою* благодаря сокращению» [Kiparsky, S. 146]. По причине такой же редукции и исчезновения гласного полного образования на конце слова (в ауслауте) встречаем случаи: инф. *быть* (40, 10) и 4 раза такую возвратную частицу, как -сь (*въсплакалась* 20, 8; *пръклонилось* 19, 2; *рассушась* 10, 4 и *скратишась* 12, 3).

Если обсуждать упоминаемые до сих пор звуковые и формальные случаи, то вполне можно сказать, что они, взятые в целом, не восходят ко времени ранее XIII в. даже если в том или ином случае единичные примеры могут встречаться в различных текстах XII в. Могут ли они быть приписаны позднему редактированию, о котором мы совершенно ничего не знаем, остается скрытым от нас.

В нижеследующем виде предстают, так сказать, в общем и целом некоторые примеры из области глагола, которые я заимствую из работы Хендлера, с приведением некоторых небольших пояснений.

¹ «Проникновение -ѣ (часто пишется как -е) в “мягкую” флексию начинается с конца XIII в.» [Kiparsky; op. cit, S. 69]

С внешней стороны, в глаголе произошли кажущиеся изменения: исчезновение аориста и имперфекта к XIV веку, изменения в употреблении видов и др. Всё это было, казалось бы, для автора XII века еще совершенно незначимым. Но не было незначимым для позднейшего новорусского автора, который мог опираться только на свое языковое чутье, поскольку ему еще не были известны факторы языкового развития с XII по XVIII век. Так, имеются грубые ошибки, в частности, в употреблении имперфекта, а также аориста, и в этом состоит важнейший результат работы Хендлера.

Возьмем место непосредственно в начале о вещем Бояне. Когда он хотел петь песнь князю, «он посылал 10 соколов на стаю лебедей; какого он настигнет, тот и пел ему песню...» Далее говорится, что это были не соколы и лебеди, а его мудрые персты, которые ложились на струны. Обсуждаемый имперфект — *дотечааше*, какого лебедя настигал сокол, тот и пел песню. Глагол *дотечи* означает ‘идти (пешком)’, имеет перфективное значение и означает конечный пункт движения, поскольку ясно, что струна зазвучит только тогда, когда палец ее коснется и не ранее. По правилам грамматики, здесь должен стоять аорист в перфективном значении, но эти правила автору в его время еще не были известны. С другой стороны, невозможно, чтобы переписчик XIII, XIV, XV, XVI, XVII века преобразовал бы правильный аорист в имперфект, противоречащий чувству языка.

Второй пример, в отличие от первого, сложнее. Но он хорошо показывает, как автора ставит в затруднительное положение его знание древнерусских текстов. Речь идет о фрагменте: *темно бо бѣ въ ѿ (третий) день* ‘в третий день стало темно’. Контекст здесь требует этого «стало», поэтому надо было бы ожидать формы аориста *бысть*. Форма *бѣ* — это имперфект при форме наст. вр. *естъ* ‘есть’ и означает ‘было’. Такая форма представляет собой реликт доисторического развития, формально схожего с формой аориста *видѣ* ‘видел’ или *горѣ* ‘горел’, но функционально — с имперфектом. Эта аномалия устранилась достаточно рано, поскольку из аномального *бѣ* сложилась нормальная форма *бѣаше*, др.-б. *бѣаше*, др.-рус. *бѣаше*; но старая форма осталась в употреблении наряду с новыми. Если же для кого-либо имперфект и аорист уже не были живыми категориями, но он встречал обе формы в старинных текстах, то, по необходимости, должен был принимать форму *бѣаше* за имперфект, а *бѣ* — за аорист; отсюда его ошибочное применение словоформы в этом месте.

Для изменяющегося употребления видов приведу только один, но поучительный в разных отношениях пример. Возьмем фрагмент: *Дльго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала* ‘долго смеркалась ночь, утренняя заря зажгла дневной свет’. Др.-рус. глагол *мьркнути*, наряду с которым существует также приставочный *помьркнути*, обозначает наступление темноты. Оба глагола имеют перфективное значение; имперфектив, который можно было бы перевести как немецкое «смеркаться», по-древнерусски был бы *мьркати* или *мьрцати*. В позднейшие периоды, когда приставка становилась все более важным внешним признаком совершенного (перфективного) вида, она осталась при приставочном глаголе *помьркнути*, тогда как бесприставочный глагол *мьркнути* стал имперфективным (несовершенного вида); старый имперфектив (несов. в.) *мьрцати* остался при этом в употреблении, отсюда нынешняя видовая пара *меркнутъ* (несов. в.) : *померкнутъ* (сов. в.). Нерегу-

лярным является также глагол *запала* (между прочим, полонизм), поскольку глагол, совершенно независимо от его происхождения, относится к несов. виду (имперфективу) и поэтому должен был оформляться в имперфекте, но не аористе. Ошибочное употребление аориста представляет собой пример, противоположный ошибочному употреблению имперфекта глагола *дотечи*. Это еще одно свидетельство неуверенности автора в применении этих категорий, которые он знал скорее теоретически, нежели из живого употребления.

Еще несколько замечаний о глаголе. Имеются три современных деепричастия: *побарая*, *имгя* и *звоня* (*Се бо Готскія красныя дгъвы. . . Звоня Рускымъ златомъ*). Первые надежные примеры для деепричастий такого рода появляются только в конце XIV в. — глагол *рискати* ‘бегать, скакать’ в такой форме встречается только в XVII в. Старая форма была *ристати* с формой наст. вр. на -je- *рищеть*. Из-за двусмысленности -щ- (за ним может скрываться или -ст-, или -ск-) произошло обратное образование *рискати* (как *пускати* для более старшего *пуцати*). Прич. наст. вр. *стонущий* ‘стонущий’ позднее. Новорусское *стонути* образует наст. вр. с -е-, прич. стонущий. В древние времена существовало н. вр. исключительно как *стоню*, отсюда прич., если бы оно было старым, образовывалось бы как *стонющий*. Страдат. прич. прош. вр. *прикрыть* ‘покрыт’ также новое; старое — *прикръвень*. Распространение т-форм за счет н-причастий стало происходить только с XV—XVI ст.¹ На этом обзор глаголов можно завершить.

В заключение — один элементарный вопрос. Позволяют ли все приведенные здесь «признаки» включить их в промежуток с XII по XVIII век, что, как было сказано, предполагает широко распространенную традицию переписывания текста, или существуют:

а) явления, которые позволяют однозначно связать их с XVIII веком, то есть

б) явления, которые небезосновательно указывают на архаизацию, то есть фальсификацию, XVIII века, направленную назад, в прошлое, от XVIII века?

К а): Приведенная здесь др.-рус. форма *мъркнути* показывает себя не только со стороны своего более нового вида, который мог появиться уже в XV или XVI веке, но и со стороны своего значения, что важнее.

Благодаря своему виду, она обозначает неожиданное или медленное наступление темноты. Здесь речь также о рассвете; далее говорится, что пение соловьев прекратилось и стало раздаваться карканье галок. Здесь русский различает *вечернюю* и *утреннюю зарю*, *сумерки* и *рассвет*. То же — в других (мне известных) языках. И только в немецком языке существует безразличное «темнеть», слово, употребляемое как для вечера, так и для утра. Если здесь *мъркнути* полностью противоречит русскому, но соответствует немецкому смыслу, то перед нами определенно германизм. Такой германизм невозможен у какого-либо автора XII в. или переписчика XIII—XVII вв. Но такой германизм возможен в речи представителя высших кругов XVIII в.

К б): Здесь я должен вернуться к первой проблеме, то есть к окончаниям -и (вм. ъ) в 4-х обсуждаемых падежных формах мягкой разновидности склонения. Говорилось, что северновеликорусский переход -ѣ в -и не может

¹ Ср. у Кипарского, который, правда, дает наивное пояснение: «...но бурное распространение таких форм в XVIII—XIX вв. позволяет предположить, что в разговорном языке они уже существовали с давних времен» [Kiparsky; p. 253]

быть принят в качестве причины изменения (напр., *зори* вм. *зорѣ*, дрб. *зорѧ*), поскольку это — и встречается только в окончаниях, но не в инлауте, где ожидалось бы¹. Ключ к объяснению лежит в формах ж. рода с суффиксом -ица.

Рассмотрим Им. мн. *галици*, *дѣвици*, 2 раза *лисици*, с которыми можно сопоставить *сулицы*. Последнее показывает начавшееся не ранее XIII в. отверждение первоначально мягкого -ц-, то есть переход -ци в -цы. Второй пример показывает этот переход в форме Тв. п. мн. ч. *иноходѣцы*, в др.-р. должно быть *иноходѣци*. Оба примера показывают уже произошедшее отверждение -ц-. Различие состоит в том, что *сулицы* не может восходить к др.-р. *сулицы*, но только к *сулицѣ*. Как объясняются тогда Им. п. *галици*, *дѣвици*, *лисици*? Если исходить из того, что для сочинителя уже не существовало мягкого -ци, а реальностью было только твердое -цы, то он обычное для него *галицы*... (многоточие у Айтцетмюллера. — Прим. переводчика) переделывает в старейшее *галици*, поскольку перед ним появлялись сотни древнерусских примеров, в которых на месте нового -цы находилось древнерусское -ци, напр. *отец*, *купец*, мн. ч. *отцы*, *кутцы*, но др.-р. *отѣци*, *коупѣци*. В формах м. р. мн. ч. для него также существовал обычный образец — новое -ы : старое -и, скажем, *стола*, но др.-р. *столѣ*. Движение от нового русского назад в др.-р. здесь бесспорно. Возможно, и в древнерусском существовали такие формы, как *галици*, *лисици*, но не в XII в., а только после развития новой оппозиции, связанной с мягкостью/твердостью, -ы : -и (в XII в. еще -ы : -ѣ).

Следующие примеры касаются окончаний прилагательных. В Им. п. мн. ч. древнерусский знал родовые различия (*новыи*, *новыѣ*, *новая*), тогда как в новом русском существует только одна объединенная флексия для всех трех родов -ые. Если для древнерусского сочинителя употребление трех родов в их различных формах не составляло труда, то для составителя текста в условиях нового русского языка с единой флексией -ые движение назад в древнерусские роды и формы влечет за собой ошибки. И в действительности такие ошибки находятся, а именно, в таких формах, в которых новый русский составитель заменяет последнее -е в окончании -ые на древнерусское окончание, при этом, правда, порой забывая заменить также и предшествующее -ы-².

Так, ср. 17, 18 — прекрасный пример стальных копий, *копѣ харалужныѣ*, где надо *харалужная*. Так же 33, 3: *ваши златыи* (вм. *златиѣ*) *шеломы* или 8, 10 *сѣрыи* (вм. *сериѣ*) *вльци*, 32. 18: *храбрыи* (вм. *храбриѣ*) *князи*, 31, 9: *желѣзныи* (вм. — *ниѣ*) *папорзи*. Ни один из писцов XIII, XIV, XV, XVI, XVII веков не переделал бы старое -ая в -ыѣ или -иѣ в -ыи.

Особенно пикантный пример — 13, 18: *шеломы оварьскыѣ*, ‘аварские шлемы половцев’, поскольку здесь автор (или фальсификатор) *шеломы* принимает ошибочно за В. п. мн. ч. (*шеломы оварские* была бы новорусской формой Им. или В. пп. мн. ч. — *тамо лежать*... *шеломы оварскыѣ*, ‘там лежат аварские шлемы половцев’) Это наводит на мысль, что поэт и фальсификатор — не одно и то же лицо.

Самый последний пример — инф. *приламѣти* ‘сломать’ (12, 10), который в этой форме не является ни древнерусским, ни новорусским. В Супр. есть

¹ Как единичные примеры находим *дѣвицею* (43, 22), что является, кажется, простым недосмотром, поскольку совсем рядом следуют *дѣвицею* и *дѣвице*.

² Так у Айтцетмюллера, здесь опечатка: -ы- (-у), следует читать -и- (-і-). (Прим. переводчика).

пръламаета, и можно ли эту словоформу привлечь как доказательство исконности формы в «Слове», остается сомнительным, поскольку здесь речь идет об «улучшении» формы *приломать*, как это говорили в XVIII в.; в др.-р. ожидалось бы *приломляти* или, во всяком случае, *приламляти*.

Этих примеров, пожалуй, достаточно. Если приверженцы теории подлинности не могут их опровергнуть и тем не менее продолжают держаться своего мнения, несмотря на работы Троста и Хендлера, которые образуют единство с вышесказанным, то остается лишь признать, что вера иррациональна¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Aitzetmüller R.* Beobachtungen zur Endung —a in masc. Appellativen und Völkernamen im Altrussischen // *Anzeiger für slavische Philologie* 206, 1990. SS. 63—74.
2. *Aitzetmüller R.* Zum Nominalgebrauch im Igorlied. Lászlo Hadrovics zum 80. Geburtstag // *Anzeiger für slavische Philologie*, XXI. 1992. SS. 109—117.
3. *Hendler M.* Der Verbalgebrauch im Igorlied. // *Anzeiger für slavische Philologie*, 9/1, 1977. SS. 103—159.
4. *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik II. Heidelberg, 1967.
5. *Nahtigal R.* Staroruski ep Slova o polku Iгореve. Ljubljana, 1954.
6. *Statkov D.* Das “Igorlied” — eine Dichtung des XII. oder des XVII. Jahrhunderts? Mit einer anschließenden Betrachtung über das “Igorlied” als höfisches Epos und die Erzählungen der Chronisten. // *Arbeitstreffen Bochum*, 1990. S. 199—221.
7. *Trost K.* Die Germanismus des Igorliedes // *Anzeiger für slavische Philologie* XIII, 1982. SS. 25—28.
8. *Trost K.* Entwicklung und Stand der Kontroverse um die Echtheit des Igorliedes // *Slavica Aenipontana* 3. Innsbruck, 1980. SS. 149—162.
9. *Trost K.* Karamzin und das Igorlied: Ein Beitrag zur Kontroverse um die Echtheit des Igorliedes. // *Anzeiger für Slavische Philologie* VII, 1974, pp. 128—145.
10. *Trost K.* Zur literarischen Polemik im Igorlied und in Karamzins II’ja Muromec (unter vergleichender Berücksichtigung der Zadonscina). Ein Beitrag zur Frage einer Igorlied-Autorschaft N. M/ Karamzins // *Festschrift für Linda Sadnik*. Freiburg i. Br., 1981. SS. 145—168.
11. *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siècle. Paris, 1935.
12. *Виноградова В. Л.* Словарь-справочник “Слова о полку Игореve”. М.-Л.: Наука, 1965—1984.
13. *Дурново Н. Н.* Очерк истории русского языка. М., 1924.
14. *Зализняк А. А.* «Слова о полку Игореve»: взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008.

Поступила в редакцию 6.04.2014

¹ Перевод последнего абзаца взят из [Зализняк, 2008, с. 337]. С таким переводом мы согласны (*Прим. переводчика*).